

Много занимались русские ученые, в том числе и византинисты, рассмотрением литературных связей древней Руси и Византии¹⁰⁹. Все эти работы хотя и прибавляли некоторый новый фактический материал, вносили интересные уточнения в отдельные детали, но коренного перелома в изучении русско-византийских отношений, с точки зрения нового метода и нового подхода к проблеме, не давали.

Такой важный раздел византиноведения, как византийская культура и искусство, занимал видное место в творчестве русских византинистов изучаемого периода.

Правда, попытки дать обобщающую работу по истории византийской культуры не увенчались успехом, и книга П. В. Безобразова (1859—1918) «Очерки византийской культуры», претендующая на подобное обобщение, оказалась неудачным собранием отдельных очерков, посвященных различным сторонам культурной жизни византийского общества и лишенных общей концепции и единой идеи¹¹⁰. Книга проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, довольно поверхностно освещает быт и нравы Византии и, несмотря на занимательность, далека от глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несравненно большую ценность представляют исследования В. Е. Вальденберга (1871—1941) по истории политической и философской мысли в Византии. Основной идеей, которую ревностно отстаивал во всех своих трудах В. Е. Вальденберг, была идея самостоятельности развития и научной оригинальности византийской философии и политической мысли. Он открыто выступал против распространенной на Западе концепции о застойном характере византийской политической мысли и ее зависимости от западноевропейской философии. В. Е. Вальденберг горячо доказывал, что такие византийские мыслители, как Дионисий Псевдо-Ареопагит, Максим Исповедник, Анастасий Синаит, Фотий, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид, были оригинальными философами и их философские системы для своего времени ни в чем не уступали средневековым философским учениям Запада. Более того, он проследил влияние византийской философской мысли на западную философию, а также распространение некоторых византийских философских веяний на Руси. В. Е. Вальденберг, естественно, был еще далек от марксизма, далек от того, чтобы попытаться выяснить социальные корни философских учений в Византии, проследить борьбу течений и развитие политической мысли в связи с общественными движениями их времени¹¹¹. Однако решительный отказ В. Е. Вальденберга от гиббоновского представления о косности и неподвижности византийской культуры очень выгодно отличает его работы от современных ему исследований ученых Запада. Вместе с тем В. Е. Вальденберг убедительно показывает античные истоки византийской филосо-

¹⁰⁹ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. Л., 1928; он же. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1—2. СПб., 1880—1920; П. Г. Васенко. Сербские записи на греческой рукописи XV в., принадлежащей библиотеке Академии наук.— ИАН СССР, 1928, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 1—10, стр. 27—44 и др.

¹¹⁰ П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пг., 1919, стр. 1—179. В книгу включено 9 очерков: цари, царицы, церкви, сановники, помещики, ремесленники, литература, зрелища и увеселения, судебные дела.

¹¹¹ Некоторые свои работы этого времени В. Е. Вальденберг опубликовал в зарубежных византиноведческих журналах. См. В. Е. Вальденберг. Об общем характере «византийской философии».— «Revue d'histoire de la philosophie», t. III, f. 3, 1929, p. 277—295; он же. Византийская философия IV—V вв.— Вуз., t. IV (1927—1928), 1929, p. 237—268; он же. Политические речи Фемистия.— Вуз., t. I, 1924, p. 557—580; он же. Политические идеи в фрагментах Петра Патрикия.— Вуз., t. II (1925), 1926, p. 55—76; он же. Никулица и современные византийские патриции.— Вуз., t. III (1926), f. 1, 1927, p. 95—121.